

4) восклицательные формы изъявительного наклонения: *...and I did not increase their second traunch of Tariffs to 25 % on March 1st. This is very important for our great farmers – and me!*

5) эллиптические конструкции: *Very proud of perhaps the greatest golf course anywhere in the world. Also, furthers U.K. relationship!*

6) параллельные конструкции: *They may not be the same people. They may not be the same class. They may not belong to the same country.*

7) парцелляция: *So, by all means celebrate the astonishing achievements of today's superstar companies. Butalsowatchthem.*

8) стилистическая инверсия: *His previous career, distinguished though it was, always seemed inadequate preparation for his current job.*

Доминирующим средством реализации экспрессивного синтаксиса в сообщениях Д. Трампа в сети «Твиттер» выступают восклицательные предложения в изъявительном наклонении (28 %), а наименее репрезентативными в корпусе фактического материала оказались эллиптические конструкции (10 %).

Е. Григорьева

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ФЕМИНИЗАЦИИ В БЕЛОРУССКОМ, РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В результате возрастающего количества дискуссий на тему необходимости употребления феминитивов (или же отсутствия данной необходимости) в различных языковых системах проблема их феминизации становится все более актуальной. В условиях государственного билингвизма было бы разумно сравнить в первую очередь белорусский и русский языки. Белорусский язык имеет два варианта языковой нормы: «тарашкевица», т.е. классический, самобытный, неофициальный вариант, и «наркомовка», более русифицированный. Классическая «мова» смело внедряла феминитивы, в то время как в «наркомовке» они использовались довольно редко.

В русском языке феминитивы присутствовали и ранее. Но в настоящее время ими пользуются нечасто. В русском языке феминитивы образуются при помощи различных суффиксов, которые играют значительную роль в восприятии полученного слова. Так, например, феминитивы, оканчивающиеся на *-иха*, например, *врачиха*, часто рассматриваются как уничижительные, а на *-есса*, скажем, *пилотесса*, как излишне вычурные. Но даже легко образующиеся и не режущие слух феминитивы услышать из уст современного русскоговорящего человека можно довольно редко. Стоит предположить, что употребление феминитивов пошло на спад с приходом советского канцеляризма. И до сих пор в профессиональной сфере более употребительными остаются должности в мужском роде, который принято считать нейтральным, хоть он таковым, разумеется, не является.

В немецком языке употребление феминитивов твердо укрепилось. Для образования феминитивов здесь служит один суффикс *-in*, добавляющийся

к любой основе и не придающий полученному слову какой-либо эмоциональной окраски. Например, *der Lehrer* 'учитель', *die Lehrerin* 'учительница', *der Maler* 'художник', *die Malerin* 'художница'. Таким образом, от любого слова в мужском роде, обозначающего профессию или род занятий, можно образовать слово в женском роде. Феминизация в немецком языке распространилась даже на обобщенные группы. Если русскоговорящему человеку привычно слышать обращение «Дорогие студенты», то немецкоговорящий чаще встречается с выражением «*Liebe Studenten und Studentinnen*», которое включает лиц обоих полов. В письменной же речи часто можно встретить сокращенный вариант «*Liebe StudentInnen*». Однако оба данных явления неизбежно ведут к чрезмерному насаждению однокоренных слов в пределах небольших высказываний, что может затруднить их общее восприятие, рассеивая внимание слушателей или читателей.

Таким образом, мы наблюдаем существенные различия в распространенности и употребительности феминитивов внутри разных языковых систем.

А. Гриневич

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКИХ РЕАЛИЙ В ПОВЕСТИ В. КОРОТКЕВИЧА «ДИКАЯ ОХОТА КОРОЛЯ СТАХА»

В данной работе анализируются особенности семантики 100 белорусских реалий, отобранных методом случайной выборки из повести В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха», а также способы их передачи на английский язык в переводе М. Минц.

Семантическая классификация выделенных реалий выглядит следующим образом: 1) государственные / религиозные учреждения (*копны суд, жандармерья*); 2) социальная принадлежность (*шляхцяначка, мужык*); 3) должности, род занятий (*ахмістрыня, лірнік*); 4) транспортные средства (*вазок, валакушы*); 5) учреждения образования (*гімназія*); 6) единицы административного деления (*навет, воласць*); 7) строения и их элементы (*плебанія, прызба*); 8) традиции, обряды, праздники, игры (*краніўныя святкі, ігрышчы*); 9) мифологические, вымышленные персонажи (*Баба Яга, Салавей-Разбойнік*); 10) предметы одежды (*кажух, шнуроўка*); 11) единицы измерения (*дзесяціна, пуд*).

Для передачи выделенных реалий на английский язык использовались традиционные способы их передачи: описательный перевод (*кажух – sheepskin coat; воласць – small district*) – 28 % единиц, подбор функционального аналога (*гімназія – high-school; калядны дзед – Santa Claus*) – 20 %, транскрипция (*дзесяціна – dziesiacina; калдун – kuldoon*) – 15 %, калькирование (*балотная рысь – marsh lynx; «яшчур» – “pangolin” (lizard)*) – 14 %, обобщенный перевод (*жжонка – vodka; вузьная каралева – a queen*) – 7 %, транслитерация (*вярста – verst; канейка – koreck*) – 5 %.

В 11 случаях реалии при переводе опускались. Например, одного из участников борьбы с «дикой охотой» В. Короткевич называет *салаўём-*